

Немое пение

И Сыль Со

И СЫЛЬ СО Немое пение

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70198132
SelfPub; 2023*

Аннотация

Бессонница – моя верная спутница. А может, она верная спутница моего мучителя? Ведь, по сути, не даёт мне отдохнуть от него даже в ночи.

И Сыль Со

Немое пение

Сейчас, сидя за своим косметическим столом, украшенным сотней чёрных роз, я с искренним любопытством задаюсь вопросом: а в какой момент всё пошло по другому направлению? Моя жизнь, что текла размеренно и спокойно, внезапно, вдруг оказалась окружена тёмными, немymi тенями, которые медленно стягивали меня в угол, напевая свои утончённые мелодии, зовущиеся одержимостью. Внезапно, я лишилась сна, покоя, а мои страхи вдруг начали материализовываться в ночи. Он никогда не покидал меня, всегда был рядом. Но я до сих пор не знаю, кто этот человек.

Тишина в моей квартире ещё никогда не была настолько оглушающей.

Мне не дано понять, какими путями я должна решать сложившуюся проблему, но я точно знаю, что мой исход предрешён. И никто не придёт мне на помощь, никто не защитит меня от этого кошмара, но безумнее лишь то, что больше не считаю происходящее со мной ужасом. Я одинока по его желанию, но именно его присутствие рядом не даёт мне остаться одной.

Я помню тот день, когда начала замечать первые странности. Не обращая внимания на подобные мелочи раньше, в то утро я чисто случайно запомнила, как оставила на кухонном

столе банан и раскрытую палетку с тенями – я уже опаздывала на встречу с редактором, так что времени не оставалось даже на лёгкий перекус, не говоря про уборку. Но проблема заключалась в ином: вернувшись домой вечером, после насыщенной встречи с друзьями, я, к собственному сожалению, заметила, что банан, точно лежавший на столе, теперь находился в холодильнике, а палетка с тенями на своём привычном месте – в сумке с косметикой. Тогда меня впервые пробрал нервный смех непонимания и отрицания. Осознать, что кто-то побывал в моём доме, я попросту не могла, поэтому решила, что всё-таки утром сама разнесла предметы по их местам.

Я была обязана успокоить себя. Я не смогла бы нормально жить, зная, что я не одна в квартире. Но у него были свои планы на меня. У него была своя игра. В ту ночь я была пьяна, потому очень быстро провалилась в сон, больше ни на что не обращая внимания. В моей голове, где-то вдалеке, звенели колокольчики тревоги и паники, но едва ли я вслушивалась в их незначительный, но настойчивый звон. Вызвать полицию, потому что забыла, что банан в холодильник убрала? Ха. Вот только утро нового дня встретило меня более жутким открытием: на моей прикроватной тумбочке стоял стакан, наполненный водой, а ещё лежала роза. Одинокая чёрная роза – цветок, что так прозаично пленил мою погубленную душу.

Звуки вчерашней тревоги начинали обретать громкость в

моей голове. Я не уверена, что именно мной двигало в те дни, но, скорее всего, мне хотелось доказать в первую очередь себе, что я ошибаюсь. Что всё это неудачное стечение обстоятельств, в конце концов, мои собственные действия и решения, о которых я, в силу тех или иных обстоятельств, позабыла. Всё лучше, чем примириться с фактом собственного безумия.

Я решила открыться одному из своих друзей, высказав опасения по поводу своего ментального состояния. Прошлый депрессивный эпизод прошёл у меня с особой тяжестью, потому я так была напугана моментами, что не укладывались в моей голове на уже произошедшие события. Знаете, знать, что ты не совсем здоров – тяжёлая ноша, но понимать, что твоё «не здоров» может стать хуже, вынуждает с паникой оглядываться через плечо. Просто уже сидя с другом за столом, болтая обо всём на свете, я стала припоминать события, которые до этого не играли значения в моём восприятии. Я же никогда не обращала внимания на то, под каким углом оставляю тапочки – уходя, всегда они стояли напротив двери, но в какой момент я стала находить их на обувной полке? Или предмет гардероба, который я столь усиленно выискивала в шкафах и ящиках, в конечном итоге, оказывался на самом видном месте – пропустить его было просто невозможно. И таких ситуаций было полно, так что я вдруг задумалась: а как давно это безумие начало затуманивать моё сознание?

Мой друг спешил меня утешить, категорически не согласный с тем, что я начинаю терять связь с реальностью.

– Между депрессией и шизофренией есть большая разница, – сказал он мне тогда, – я сомневаюсь, что ты смогла резко перебраться с одного корабля на другой.

Его слова стали мне утешением, его прекрасные слова позволяли мне не пасть в объятия едкой паранойи. Вот только кто же знал, что та ночь изменит всё? Говорят, безумие может быть заразным, но то, что случилось с нами, не было плодом воспалённого воображения. Может, я больна, но друг мой здоров. Уже погасив свет, укутавшись одеялом на постели, мы оба никак не могли уснуть. Не знаю, о чём грезил мой товарищ, но я находилась в удачных попытках списать всё случившееся со мной на стресс и забывчивость. Всякое же бывает, правда? Может, в какой-то момент, я настолько уходила в себя, что не обращала внимания на собственные действия? Ужасный грохот, что начал доноситься с кухни, заставил нас напрячься. Все мои шаткие надежды рассыпались в пыль за одну секунду. Кто-то раздражённо хлопал дверцами шкафчиков, и уж в чём я не могу винить своего друга, так это в том, что после этой ночи он больше ко мне не приходил. Заодно посоветовал вызывать в полицию, ведь то, что я считала собственным бредом, несомненно, являлось действиями простого человека.

Я, видимо, реально сумасшедшая, если в этот момент испытала облегчение. Безумие меня пугало намного больше,

чем неизвестный человек в моей квартире. Хотя, всё относительно.

Мелкие шалости могут уйти на второй план, ко всему, как говорится, привыкаешь. Вот и я почти что перестала обращать внимание на мелкие детали: переставленный предмет или пропавшая вещь, – к слову, полиция трижды была в моём доме за два с половиной месяца моего тянущегося кошмара, и ни одного раза ни нашлось здесь никого постороннего. Они осмотрели каждый угол, каждый миллиметр – и пустота. Та самая пустота, что материализовывалась в ночи.

Я лишь нервно улыбалась, с тяжестью всматриваясь в дверцы одного из бельевых шкафов. Я понимала, что будет только хуже, а полиция не может мне помочь попросту потому, что им некого ловить. Он знал, как быть не пойманным, он знал, как быть невидимым.

Бессонница стала моей верной спутницей. Другьям, что настойчиво просились ночевать со мной, я отказывала, так как очень боялась того, что может произойти. В прошлый раз это были просто хлопки дверцами, но кто знает, что он сотворил бы, приведи я в дом кого-то снова? Разве всё это не моя проблема? Удушающее чувство вины ядом капало на сердце: мне было страшно и за себя, и за людей, которых я могла подвергнуть опасности, если бы допустила их в стены своей квартиры. А потом, ночью, в день после последнего прихода полиции, он появился смело и нагло: я слышала, как открывались дверцы бельевого шкафа, я слышала тихие ша-

ги, что доносились по комнате, я ощущала вкус собственно-го сердца, что плотно сжалось у меня в горле.

Мне некуда было бежать, и я не знала, что мне делать. Я не знала, где именно он стоял, но не сомневалась, что он находится в комнате, наблюдая за мной. Я боялась дышать, боялась, что он поймёт, что я не сплю. На меня вдруг всей тяжестью навалилось сгущающееся пространство. Что я должна была делать?..

Утром нового дня, не помня, как уснула в такой обстановке, просонья, я свободно поднялась с постели, недовольно морщась от саднящего в голове чувства. Она раскальвалась, а глаза жутко горели. Вот только чем дальше уходил сон, чем яснее становилось моё зрение, тем чётче рисовалась прошлая ночь в памяти, а перед глазами была пустая комната и мрачный шкаф, из которого он вышел прошлой ночью. Моя квартира вдруг показалась мне абсолютно чужой. Словно меня выкрали, привезли в чужую страну, дом и оставили там. Мне надо было уйти оттуда, сбежать, укрыться, но... Как же страшно было пошевелиться! Как же страшно было ступать по некогда безопасному полу. Мой болезненный взгляд испуганно метался к шкафу, а сердце едва ли не разрывалось от паники и ужаса, в ожидании, что вот-вот дверцы откроются. Не помню даже, как именно я собралась, но уже через пятнадцать минут я покинула проклятое место, со слезами на глазах несясь в полицейский участок. Правда, до него я так и не дошла. Просто поймите, какой в этом смысл?

Чем они помогли бы мне? Снова пришли бы в мою квартиру и вновь никого не нашли бы, а затем, ночью, он пришёл бы ко мне снова. А как я вызвала бы их ночью? Вряд ли он позволил бы мне.

Меня случайно встретила подруга, одна из тех, чьи сообщения я последние дня игнорировала. Я ничего ей не рассказала, но по мне и так всё было понятно: круги под покрасневшимися глазами, болезненный серый цвет кожи, искусанные до болячек губы. Она всеми силами пыталась разговаривать меня, пыталась отвлечь прогулками и непринуждёнными темами, но я была такой уставшей, что едва ли поспевала за ходом её мыслей. Я до сих пор виню себя, что допустила это в тот день: позволила ей остаться у себя на ночь. Она сама вызвалась меня проводить домой, а когда мы дошли, меньше всего мне хотелось тратить время на объяснения. Но эта ошибка быстро аукнулась нам обеим.

В ночи, перебрасываясь короткими и тихими репликами, мы вдруг услышали странное шарканье с кухни. Единственное слово, которое слетело с её губ, было «мышь», но затем она замолчала и больше не говорила ничего. Видимо, сразу же поняла, насколько ошиблась, и просто осторожно, стараясь не привлекать внимания, придвинулась ко мне, крепко-крепко обнимая. А он шёл к нам, прямо к постели, и пока паника сдавливала мои лёгкие, мы вдруг ощутили, как прогибается кровать под весом ещё одного человека. Я чувствовала, как дружит моя подруга, я ощущала собственные рвот-

ные позы, а ещё горькие слёзы катились на подушку.

Тишина была истеричной: любой вздох слышался огромным камнепадом. Разве мы могли уснуть в такой ситуации? Вы хоть представляете, как сложно заснуть, когда в твоей постели лежит посторонний человек? В какой момент он достал нож и начал водить им по оголённому плечу моей подруги? Я думала, она от разрыва сердца там умрёт. Ни я, ни она не сомкнули глаз, а по утру, когда начинало светать, он молча встал и теми же шаркающими шагами ушёл на кухню, оставив нас наедине.

– ...телефон... – едва слышно выдохнула она, а я не могла пошевелиться. Мне вдруг стало очень страшно за неё, ведь что он мог сотворить с ней, сделай она что-то неудобное?

Я хотела как лучше...

– Надо бы умыться, – неожиданно, очень громко произнесла она, резко поднимаясь с постели. Одним своим взглядом она молила меня делать то же самое, и я молча повиновалась. Без понятия, что она там задумала, но я видела, как она прячет свой смартфон в толстовку, которую наспех надевает, а затем, крепко взяв меня за руку, выводит в коридор, прямиком ванну. Ха-ха-ха, самое ужасающее в этом всё было то, что он, не боясь, стоял на кухне возле окна, и, склонив голову, наблюдал за нами. Меня тогда пришибло к полу, а подруга наоборот – резко дёрнула меня в сторону выхода, утаскивая из квартиры. Краем глаза я смотрела на незнакомца, но тот даже не шелохнулся.

Стоит ли говорить, что вызванная в панике и ужасе полиция никого не нашла? Осмотрели всё, абсолютно всё, но следов чьего-то присутствия не нашли. Она так много плакала... Умоляла меня уехать оттуда, пожить у неё или в отеле. В конце концов, полиция может предоставить такую возможность, но... Как же она не понимает, что он последует за мной? Изворотливый, хитрый, хладнокровный – какой резон связываться со сталкером? А это ведь он и есть. Я живу в одном из современных и охраняемых комплексов, но разве это его остановило? Полиция, просмотрев камеры, не нашла ни одного подозрительного человека, а на записях с моего этажа вообще никого, кроме меня и моей подруги, возле моей квартиры не находилось. Тут даже я загорелась интересом: а как же он вообще туда попадал?

Домой я возвращалась с истерическим смехом и слезами. Громко, не обращая внимания на недовольные и осуждающие взгляды прохожих, я плелась к себе домой, заливаясь горькими, жгучими слезами. Страх, боль, отчаяние, загнанность – они все твердят о том, что полиция могла бы помочь мне, но разве до этого хоть раз они помогли мне? Я считала, что для них я одна из тех безумных, кто требует к себе внимания, а подруга моя просто подыграла.

Вернувшись домой, я обнаружила, что все вещи были в порыве истерики разброшены.

Сколько дней прошло с нашей встречи... я уже точно не скажу. Может, один, а может больше недели. В моей квар-

тире время теперь тянется иначе – оно медленное, вязкое, плавно утаскивающее меня в свои сети. Сейчас мне больше ничего не остаётся, кроме как лечь спать. Апатично осмотрев себя в зеркало, криво улыбнувшись своему измученному лицу, я вдруг поддаюсь необъяснимому чувству отвращения от самой себя. По какой причине его взор пал на меня? Почему именно я стала тем, кого окутала его одержимость?

Бесконечные вопросы, а петля на моей шее становится только туже.

Потушив ночник, едва ощущая собственное тело, я плетусь к своей постели, сразу кутаясь в одеяло. Делаю пару глубоких вдохов, прикрыв глаза, и стараюсь настроиться на сон, всеми силами пытаюсь не думать о том, что в квартире кто-то ещё есть. Сколько ещё ужаса он поселит во мне, прежде чем я сдамся в его власть? Сколько страха мне придётся пережить перед тем, как он своенравно сможет заявить о своей победе? В конечно итоге, он – охотник, а я его жертва.

Бессонница – моя верная спутница. А может, она верная спутница моего мучителя? Ведь, по сути, не даёт мне отдохнуть от него даже в ночи.

Усмехаясь своим же мыслям, я как-то машинально открываю глаза, даже не подумав о том, кого увижу рядом. Но вот итог: парень, в чёрном костюме, в отвратительной маске на лице, напоминающей кожу без очертаний, лишь с прорезями для глаз, сидит на корточках прямо рядом с моей постелью, крепко прижав ноги к своей груди. И смотрит. Просто смотрит.

рит. Ха-ха-ха. Да это, пожалуй, первый раз, когда наши глаза пересекаются, когда он находится в такой близости ко мне. Онемение накрывает моё тело, проникая в каждую клеточку поочерёдно, а затем сердце, сжавшееся от испуга, словно обрывается, и больше я... ничего не чувствую. Я просто смотрю на него, и мне безумно хочется смеяться.

Наблюдая за тем, как он неспеша поднимается, я двигаюсь в сторону, пока он – высокий, крупный, ой, походу, спортсмен, ха-ха, ложится рядом, прямо на моё место. Его рука в чёрной перчатке ложится на мою щёку, а я продолжаю прожигать его взглядом, всматриваясь в эти проклятые, таинственные глаза.

В моей голове пусто, но впервые за всё это время я чувствую себя спокойно, наконец-то я ощущаю умиротворение. Моя ладонь скользит по его руке, настойчиво стягивая перчатку, и когда я чувствую тепло чужой кожи, её нежность и хрупкость, а вновь ощущая залиvistый звон сотен мелких колокольчиков внутри себя. Только это уже не паника и не шестое чувство. Это нечто иное.

Я уже тянусь к его лицу, покрытое омерзительной маской, но его рука аккуратно останавливает меня, и прежде, чем я успеваю хоть что-то возразить или понять, на языке жестов он показывает мне драгоценное, пропитанное одержимостью:

– «Я люблю тебя».

Мой сталкер оказался немым, но его одержимость оказа-

лась намного громче.

С мягкой улыбкой я засыпаю в его объятиях, позволяя незнакомцу укрыть меня ото всего мира.